

УДК 314.12 + 304.5
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.1
EDN GBQRFK

Научная статья

ДИАСПОРАЛЬНОСТЬ ОСЕТИНСКОЙ ОБЩНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ ТУРЦИИ

DIASPORALITY OF THE OSSETIAN COMMUNITY IN TERMS OF THE NORTH CAUCASIAN DIASPORA IN TURKEY

*В. И. Газзаева**

*Victoria I. Gazzaeva**

** Юго-Осетинский государственный
университет им. А. А. Тибилова,
Цхинвал, Республика Южная Осетия*

** South Ossetian State University
named after A. A. Tibilov,
Tskhinval, Republic of South Ossetia*

Цель исследования – выявить характерные черты диаспоральности и особенности функционирования осетинской общности в Турции.

Objective of the study is to identify the characteristic features of diasporality and the peculiarities of the functioning of the Ossetian community in Turkey.

Методологическая база исследования включает в себя анализ существующих подходов к исследованию диаспор, теоретические положения отечественных и зарубежных ученых в сфере диаспоральности, а также методы качественного контент-анализа.

The methodological basis of the study includes the analysis of existing approaches to the study of diasporas, theoretical provisions of domestic and foreign scholars in the field of diasporality, as well as methods of qualitative content analysis.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что диаспора осетинской общности в Турции представляет собой уникальное явление, отражающее сложное взаимодействие сохранения этнокультурной идентичности и адаптации к иноэтнической среде. Этническая идентичность осетин основывается на таких ключевых элементах, как язык, традиции, коллективная память и организационная активность, что обеспечивает ее устойчивость даже в условиях значительного ассимиляционного давления. Однако наблюдаемые изменения, такие как

The results of the study. The diaspora of the Ossetian community in Turkey is a unique phenomenon reflecting the complex interaction between the preservation of ethno-cultural identity and adaptation to a non-ethnic environment. Ossetian ethnic identity is based on such key elements as language, traditions, collective memory and organisational activity, which ensures its sustainability even in conditions of significant assimilation pressure. However, observed changes, such as the increase in inter-ethnic marriages and the decline in the use of the Ossetian language

© Газзаева В. И., 2025

рост межэтнических браков и сокращение использования осетинского языка среди молодежи, подчеркивают необходимость усиления институциональной поддержки и образовательных программ.

Перспективы исследования. Представленные результаты имеют научную значимость для дальнейшего изучения диаспоральных сообществ и могут быть использованы при реализации программ, направленных на укрепление этнокультурного наследия в полиэтнической среде.

Ключевые слова: диаспора, диаспоральность, этническая идентичность, диаспоральная общность, осетинская диаспора, северокавказская диаспора в Турции

among young people, underscore the need for stronger institutional support and educational programmes.

Prospects of the study. The presented results have scientific significance for further study of diaspora communities and can be used in the implementation of programmes aimed at strengthening ethno-cultural heritage in multi-ethnic society.

Keywords: diaspora, diasporality, ethnic identity, diaspora community, Ossetian diaspora, North Caucasian diaspora in Turkey

Введение

Диаспора – сложное социальное явление. Существуют различные социологические подходы к анализу понятия «диаспора», а также исследуется его эволюция в научной мысли. Диаспора рассматривается как форма социальной организации, возникающая вследствие миграции и характеризующаяся сохранением этнической идентичности, коллективной памяти о родине и созданием институциональных структур для взаимодействия с принимающим обществом.

Особое внимание уделяется тому, как диаспоры адаптируются к новой среде, сохраняя при этом свои культурные традиции. Они формируют устойчивые связи с исторической родиной и становятся активными участниками транснациональных процессов. Диаспоры играют важную роль в социально-экономической, культурной и политической жизни как стран проживания, так и стран происхождения. Следовательно, диаспоры выступают значимыми участниками преобразований, влияя на процессы глобализации и межкультурного взаимодействия. Диаспоры требуют дальнейшего изучения как динамичного и универсального феномена, способного сохранять этническую идентичность и в то же время адаптироваться к меняющимся условиям современного мира (Аветян, 2022).

Диаспоры представляют собой сложный социальный феномен, объединяющий этническую идентичность и институциональную деятельность. Они играют важную роль в сохранении культурного наследия и поддержании межэтнического диалога. Через национально-культурные автономии и ассоциации диаспоры воспроизводят традиции, укрепляют этническую идентичность и способствуют формированию общегражданской принадлеж-

ности. Однако диаспоры сталкиваются с вызовами, такими как ассимиляция и трудности интеграции новых миграционных сообществ. Их институциональная и символическая роль требует дальнейшего изучения для понимания их влияния на социальные и культурные процессы. Диаспоры выступают посредниками между сохранением культурной самобытности и включением в общественные структуры, что делает их важным объектом социологического анализа и основой для разработки эффективной культурной политики (Бедрик и др., 2023).

Исследования феномена диаспор, а также попытки дефиниции данного явления привели к появлению нового научного термина – «диаспоральность».

А. С. Ким описывал данный феномен как специфичное состояние этничности, особую реальность, образ мыслей и поведения, формирующиеся на фоне адаптационных процессов. Особенностью этой формы этничности является формирование новых характеристик этничности, которые не были характерны для представителей материнского этноса, не проживающих на исторической родине. Особенностью же диаспоральности А. С. Ким в своих исследованиях выделяет этническую маргинальность (Ким, 2008).

В разнообразии подходов к пониманию и определению понятия «диаспора», что в свою очередь приводит к использованию данного термина в противоположных значениях, И. Д. Расолько видит исследовательский волюнтаризм и вероятность прекращения использования понятия «диаспора» в контексте научной терминологии. Таким образом, в научном поле актуализируется новое понятие «диаспоральность», которое позволяет выйти на более эвристичный и универсальный уровень в исследованиях диаспорных процессов и снять все противоречия (Расолько, 2012).

Г. Шеффер описывает диаспоральность как более экстремальную форму этничности, которая в своей структуре имеет дополнительные элементы, сформировавшиеся под влиянием иноэтнических процессов¹. Таким образом, диаспоральность основывается не только на этничности, но и на других культурных, общественных и иных явлениях.

В. И. Дятлов под диаспоральностью подразумевает совокупность признаков и характеристик, которые становятся характерными чертами тех меньшинств, которым удалось избежать ассимиляции (Дятлов, 2004). Диаспоральность отображает свойства и характерные признаки этнической общности, проживающей в инокультурной среде, и тем самым является теоретическим конструктом.

Н. С. Аветян рассматривает диаспоральность как теоретическую схему анализа, которая может быть наложена на объект исследования. Схема диаспоральности включает в себя ряд параметров, которые могут быть исполь-

¹ Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике. – URL: https://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/3019-3.shtml (дата обращения: 14.10.2024).

зованы для исследований этнических сообществ в иноэтнической среде. В эти параметры входят:

1. Характер формирования диаспоры.
2. Количественно-демографические признаки диаспоры, к которым относятся такие критерии, как численность населения, половозрастные характеристики, плотность расселения на территории государства и т. д.
3. Особенности транснациональных связей, включая характер и частоту взаимодействия с исторической родиной. Ключевым аспектом анализа этого параметра выступает образ родины, который играет фундаментальную роль для членов диаспоры.
4. Характер взаимоотношений с принимающим обществом.
5. Деятельность диаспорных организаций. Анализ данного параметра подразумевает изучение деятельности организаций (Аветян, 2016).

Также в работах ряда исследователей, посвященных проблематике диаспор, можно выделить еще один значимый параметр диаспоральности. Таким параметром является этническая идентичность. Среди работ, затрагивающих вопросы этнической идентичности как параметра диаспоральности можно выделить исследования таких ученых как Курске В. С., Лебедева Н. М., Тучина О. Р. и др.

Этническая идентичность рассматривается как средство самоидентификации, особенно актуальное в полиэтнических условиях. Взаимодействие с другими этническими группами становится катализатором выделения своей уникальности через язык, традиции и культурные практики (Меренков и др., 2020). Этот процесс согласуется с теорией Фредрика Барта, согласно которой язык, история и культура являются ключевыми элементами этнической дифференциации (Barth, 1969).

А. В. Бедрик и В. П. Войтенко в своем исследовании, посвященном специфике диаспорных идентичностей на Юге России, предлагают методологическую модель изучения диаспор. Данный конструкт включает такие компоненты диаспорной идентичности, как «процессы внутридиаспорной интеграции и дезинтеграции, состояние миграционных установок и гражданской идентичности членов диаспоры, открытость к межкультурному диалогу» (Бедрик, Войтенко, 2023).

Несмотря на актуальность исследований диаспоральных общностей, включая северокавказскую диаспору в Турции, данное направление остается недостаточно разработанным. Следует подчеркнуть, что исследования северокавказской диаспоры в Турции требуют более углубленного и специализированного подхода, направленного на изучение ее структуры. Северокавказская диаспора представляет собой комплексную кавказскую общность, включающую в себя различные этнические группы с уникальными культурными, историческими и социальными особенностями.

В данном контексте важно отметить, что для более глубокого анализа северокавказской диаспоры в Турции необходимо исследовать каждую из этнических групп, которые составляют эту многосоставную общность. Исследования, посвященные осетинской общности в Турции, преимущественно сосредоточены на изучении истории ее формирования и культурных характеристик, которые были трансформированы в процессе длительной ассимиляции в иноэтничной среде. Однако социологический аспект этой общности остается крайне мало изученным, а имеющиеся исследования преимущественно относятся к более ранним периодам и требуют обновления в соответствии с современными реалиями.

Следует подчеркнуть, что актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа современных социологических особенностей осетинской диаспоры, а также отображения ее актуального состояния. Представленное исследование вносит значительный вклад в изучение как осетинской общности в Турции, так и черкесского сообщества в целом. Полученные результаты могут быть использованы при реализации проектов, направленных на разработку стратегий сохранения этнической идентичности в условиях иноэтничной среды, что представляет важное практическое значение для поддержки и развития данных общностей.

Северокавказская диаспора в Турции

Возникновение северокавказской диаспоры в Турции является результатом масштабного миграционного процесса, произошедшего во второй половине XIX века. Главным катализатором этих событий стало завершение Кавказской войны (1817–1864), сопровождавшееся репрессивной политикой Российской империи, направленной на депортацию кавказских народов. Вынужденный исход был связан с разрушением традиционного уклада жизни горских обществ, утратой земель и угрозой культурной ассимиляции. Османская империя, будучи мусульманским государством, стала для переселенцев очевидным выбором, предлагая не только религиозную и культурную солидарность, но и возможность сохранения этнической идентичности в новых условиях.

Османское правительство рассматривало северокавказских мигрантов как стратегический ресурс, направляя их на освоение малонаселенных регионов, таких как Анатолия и Балканы. Переселенцам предоставлялись земельные участки, налоговые льготы и начальная материальная поддержка. Несмотря на нехватку продовольствия, эпидемии и конфликты с местным населением, мухаджире продемонстрировали высокую степень социальной стабильности, что способствовало формированию компактных общин с устойчивой системой самоорганизации. В то же время взаимодействие с другими народами Османской империи способствовало постепенной трансформации этнической идентичности, что привело к формированию более широкой диаспоральной общности.

История черкесской диаспоры в Турции демонстрирует сложный процесс вынужденной миграции, адаптации и сохранения этнокультурной идентичности. Северокавказская диаспора стала неотъемлемой частью турецкого общества, сохранив при этом значительные элементы своей культурной самобытности (Чочиев, 2022).

Черкесская общность характеризуется сложной этнической и социокультурной структурой, включающей множество этнических групп и подгрупп. Исходя из исследований, посвященных формированию и функционированию северокавказской диаспоры в Турции, численность черкесов за рубежом варьируется от 3 до 5 млн человек. При этом самая многочисленная черкесская община находится в Турции (Кушхабиев, 2018).

В современной Турции термин «черкес» употребляется в обобщенном значении (Jaimoukha, 2001). Данный термин (Çerkes, Çerkez), включает в себя не только черкесов, но также абхазов, осетин, чеченцев, ингушей, дагестанцев, ногайцев (Цибенко, 2019).

Ключевым фактором, способствующим консолидации черкесского сообщества, является коллективная травма, возникшая в результате депортации. Нарративы, связанные с этим историческим опытом, выполняют функцию социальной памяти, транслируясь из поколения в поколение. Эти истории служат механизмом культурной репродукции и поддержания групповой идентичности, оставаясь значимой частью коллективного сознания (Aksoy, 2018).

Согласно Козну (1996), основными чертами традиционных диаспор являются травматическое отделение от исторической родины и сохранение ее образа в коллективной памяти. Исходя из этого, черкесское сообщество соответствует критериям классической (традиционной) диаспоры (Cohen, 1996).

В Турции не существует единой согласованной терминологии для описания черкесского общества, его культуры и языка. Влияние таких факторов, как место проживания, возраст и гендер, обуславливает разнообразие диаспоральных практик среди черкесов. Эти различия способствуют формированию множественных этнических идентичностей, отражающих уникальность их диаспорального опыта (Besleney, 2016).

В 2000-х годах в Турции были сформированы значимые объединения черкесских организаций, которые играют ключевую роль в консолидировании и репрезентации черкесской диаспоры. Федерация кавказских обществ (KAFFED), основанная в 2003 году, стала крупнейшим объединением, включающим 52 ассоциации. Она активно занимается академической и культурной деятельностью, способствуя сохранению этнической идентичности и укреплению социальной памяти черкесской диаспоры. KAFFED представляет собой пример институционализации диаспорной активности, направленной на развитие коллективной идентичности и ее интеграцию в общественно-политический дискурс.

В 2013 году от KAFFED отделилась Федерация черкесских обществ (ÇerkesFed), заявившая о намерении развивать новый подход к диаспорной политике. Однако ее роль и влияние на диаспору остаются предметом обсуждений, что демонстрирует процесс дифференциации внутри диаспорной среды. В 2004 году была создана Объединенная федерация кавказских обществ (BIRKAFFED), базирующаяся на идее единой Кавказской Республики, что отражает политический компонент диаспорной идентичности. В 2010 году формирование Федерации абхазских обществ подчеркнуло существующий «черкесско-абхазский» разрыв, обусловленный разными приоритетами в культурной и политической повестке.

Помимо федераций, значительную роль в укреплении диаспорной идентичности играют медийные платформы, такие как журнал Jıners, Кавказский форум и Cherkessia.net. Эти ресурсы выступают как пространства символического обмена, способствуя формированию дискурсов, отражающих многообразие взглядов и субидентичностей внутри черкесского сообщества. Подобные институциональные и медийные структуры демонстрируют социокультурную динамику диаспоры, сочетая процессы консолидации и дифференциации (Okçuoğlu, 2019).

Формирование диаспорной идентичности кавказцев, депортированных после 1864 года, основано на взаимодействии этнической памяти и адаптации к новым социальным и географическим условиям. Диаспорная идентичность представляет собой гибридную форму, объединяющую этническую идентичность с привязанностью к принимающему обществу. Центральным элементом этой идентичности является травматический опыт изгнания, закреплённый в коллективной памяти через нарративы о депортации, наполненные символическими образами природы, ритуалов и традиций. Повторение этих историй выполняет функцию социальной памяти, обеспечивая преемственность идентичности и укрепление групповой солидарности.

Членство в диаспорных ассоциациях играет ключевую роль как механизм институционализации диаспоры, способствуя сохранению этнокультурного наследия и формированию чувства принадлежности. Одновременно адаптация к новой среде приводит к территориальной привязанности, что свидетельствует о процессе интеграции. Таким образом, диаспорная идентичность кавказцев формируется через сочетание коллективной памяти, институциональной активности и адаптационных процессов, отражая значимость нарративов травмы и культурного воспроизводства для поддержания этнической идентичности в условиях миграции (Uçar, 2022).

Цифровизация существенно изменила способы коммуникации и взаимодействия в черкесской диаспоре, предоставив новые возможности для сохранения культурной идентичности и укрепления связей (Bolat et al., 2024). Цифровая диаспора, основанная на использовании социальных сетей и дру-

гих интернет-платформ, позволяет черкесам преодолевать географические и политические барьеры, поддерживать связь с сообществами как в диаспоре, так и на исторической родине. Эти платформы способствуют распространению и укреплению культурных ценностей посредством обмена традициями, языком, музыкой и другими элементами культурного наследия.

Взаимодействие в цифровой среде демонстрирует высокую устойчивость, обеспечивая преемственность общения и культурных связей, зачастую превосходящую личные встречи. Однако цифровая диаспора еще не получила широкого распространения и остается доступной лишь для ограниченного сегмента черкесского сообщества. Тем не менее ее развитие через ассоциации и сетевые сообщества указывает на значительный потенциал для дальнейшей консолидации диаспоры.

Таким образом, цифровизация становится важным инструментом в укреплении диаспоральной идентичности черкесов, сохранении культурного капитала и адаптации к современным реалиям. Постепенное расширение цифровых платформ может способствовать усилению коммуникации и взаимодействия внутри диаспоры, а также поддержанию ее связи с исторической родиной.

Черкесская идентичность во многом формируется через акты коллективной памяти и символическую историю депортации, ключевым элементом которой является 21 мая 1864 года. Этот день, ставший местом памяти, приобретает статус важного символа, структурирующего черкесскую идентичность Северного Кавказа. Коллективные воспоминания о депортации воспринимаются как неотъемлемая часть этнической самобытности.

Черкесы Турции стремятся переосмыслить свою идентичность, подвергавшуюся стигматизации, через признание травматического опыта изгнания и его символическую реконструкцию. Память о депортации используется в рамках политики идентичности для легитимизации социальных и культурных требований.

Ностальгическое стремление к Кавказу, как к воображаемой родине, и разочарование от ее утраты становятся движущей силой сопротивления ассимиляции. Таким образом, символика депортации играет центральную роль в воспроизводстве черкесской идентичности, связывая ее с историческим опытом и коллективной памятью (Doğanay, 2015).

На основе вышеизложенной схемы параметров диаспоральности можно провести анализ диаспоральности осетинской общности в Турции.

Характер формирования осетинской диаспоры в Турции

Иммиграция осетин произошла в период между 1860 и 1865 гг. и осуществлялась в три этапа¹.

¹ Türkiye'deki Osetler. (2023). – URL: <https://jinepsgazetesi.com/2023/08/turkiyedeki-osetler> (дата обращения: 11.12.2024).

Осетины-мухаджиры, составившие около 5 тысяч человек, селились в основном в районе под названием Саракамыш. Далее миграция осетин продвигалась в сторону западных земель Османской империи. Потомками осетин-переселенцев тех времен сегодня могут быть около 60 тысяч человек, местом проживания которых является города Стамбул и Анкара.

Сегодня на фоне обширной ассимиляции потомков осетинских мухаджиров в турецком обществе в селах провинции Йозгат, таких как Пойразлы, Боялык и Карабаджак, все еще достаточно активно используется осетинский язык (Foltz, 2022).

Количественно-демографические характеристики осетинской диаспоры в Турции

Осетинская диаспора в Турции, в сравнении с другими северокавказскими общинами, является относительно малочисленной и составляет около 36 тысяч осетин. Это обусловлено как исторически ограниченными масштабами миграции осетин в Османскую империю, так и современными демографическими процессами. Диаспора сосредоточена преимущественно в крупных городах, таких как Стамбул и Анкара, что связано с процессами урбанизации и стремлением к социальной и экономической интеграции. Ее структура включает несколько поколений: старшее поколение сохраняет этнокультурные традиции и язык, в то время как молодежь демонстрирует более высокий уровень аккультурации и интеграции в турецкое общество.

Важно отметить, что смешанные браки, усиление ассимиляционных процессов и доминирование турецкого языка в повседневной жизни приводят к постепенному снижению численности этнически идентифицирующих себя осетин. Эти демографические изменения указывают на риск утраты этнической идентичности, что подчеркивает значимость институциональной активности и культурной репродукции для диаспоры.

Таким образом, количественно-демографические характеристики осетинской диаспоры демонстрируют ее уязвимость перед ассимиляционными вызовами. В этом контексте необходимо усиление образовательных инициатив, поддержка диаспорных организаций и укрепление транснациональных связей с исторической родиной как ключевых механизмов сохранения этнокультурного наследия и устойчивости диаспоры (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Характеристика транснациональных связей или состояние «транснационального пространства»

Особого внимания заслуживает транснациональная связь диаспоры с исторической родиной. Осетины Турции активно участвуют в культурных обменах, переводят литературу с осетинского языка на турецкий, издают книги об Осетии и создают двуязычные словари. Эти практики не только укрепляют связи с исторической родиной, но и способствуют интеграции осетинской

культуры в турецкое общество, что соответствует концепции транснационализма (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Характеристика связей с принимающим обществом

Удивительное сохранение осетинского языка и идентичности в Анатолии спустя более чем 160 лет после переселения можно объяснить, прежде всего, изоляционистскими тенденциями, характерными для первых поколений осетинских иммигрантов. Важно отметить, что в течение первого столетия после изгнания осетинские семьи активно поддерживали внутреннюю культурную автономию. Родители и старшие члены семей настойчиво поощряли детей говорить только на осетинском языке, а использование турецкого в их деревнях было крайне редким. Смешанные браки, особенно с представителями некавказских народов, почти не практиковались. Исключение составляли браки с другими кавказскими этносами, такими как кабардинцы, которые считались культурно близкими осетинам. Стоит отметить, что представителей других народов северокавказской диаспоры, то есть черкесов, осетины признают «своими», следовательно и брачные союзы осетин с представителями черкесской диаспоры не считаются нарушением обычаев и норм (Сокаева и др., 2015).

Особого внимания заслуживает деятельность начальных школ, где обучение проводилось на осетинском языке, а процесс обучения был доступен как девочкам, так и мальчикам. Это подчеркивает высокий уровень приверженности осетин к сохранению своего языка и культуры. Также примечательно, что осетинские женщины не носили чадру, что отличало их от соседних этнических сообществ, и многие конфликты внутри общин решались автономно, без привлечения государственных органов.

Следует подчеркнуть, что в Турции все северокавказские этносы традиционно объединялись под общим термином «черкесы». Осетины, как и балкарцы, нередко обозначались черкесским термином «Куша» (Къущхъ), что в переводе означает «горцы». Однако в последние десятилетия среди осетинской диаспоры в Турции усилилась тенденция идентифицировать себя именно как «осетин». Это явление может быть связано с осознанием собственной этнокультурной уникальности на фоне общего северокавказского единства.

Несмотря на историческую изменчивость взаимоотношений между народами Кавказа, в условиях Турции различные северокавказские этнические группы объединяет осознание общего происхождения и статуса меньшинства. Это способствует укреплению их межэтнического сотрудничества и взаимодействия, что особенно проявляется в культурной и общественной деятельности (Foltz, 2022).

Характер и направленность деятельности диаспоральных организаций

В 1980-е годы урбанизированная осетинская диаспора в Турции начала осознавать угрозу потери культурной идентичности. На этом фоне в 1989 году

в Стамбуле был создан Аланский фонд культуры и помощи, главной целью которого стало укрепление социальной солидарности среди осетин в Турции, а также сохранение и развитие их этнокультурных ценностей.

Фонд реализует важные проекты, такие как организация перелетов представителей молодежи на историческую родину, оказание финансовой помощи нуждающимся и популяризация осетинской культуры и языка. Так, было организовано около 15 выставок художников, концертные туры осетинских исполнителей и культурные фестивали, способствующие укреплению осетинской идентичности.

Во время пандемии фонд продемонстрировал свою значимость, став единственной организацией, отправившей из Турции в Осетию средства индивидуальной защиты и медикаменты. Это подчеркивает его роль в поддержании связей с исторической родиной и помощи диаспоре.

Таким образом, Аланский фонд культуры и помощи выполняет важную функцию по сохранению культурного наследия осетинской диаспоры, ее социальной консолидации и укреплению транснациональных связей с Осетией (Foltz, 2022).

Деятельность диаспорных организаций осетинской диаспоры в Турции играет ключевую роль в сохранении этнокультурной идентичности, языка и традиций. Основными центрами этой деятельности являются культурные объединения, такие как «Аланский клуб» в Стамбуле и другие региональные осетинские ассоциации, которые формируют институциональную основу диаспоры. Примечательно, что эти организации выполняют функции институциональной поддержки, способствуя консолидации общины и укреплению ее внутренних связей. Через культурные мероприятия, образовательные проекты и взаимодействие с исторической родиной они формируют условия для воспроизводства этнической идентичности и сохранения коллективной памяти.

Следует подчеркнуть, что основными направлениями их деятельности являются организация курсов осетинского языка, проведение традиционных праздников и культурных мероприятий, а также поддержание активной связи с Северной и Южной Осетией. Важным аспектом является реализация проектов, ориентированных на молодежь, что обеспечивает преемственность и адаптацию традиций к современным условиям. Так, создаются танцевальные коллективы, где все желающие могут освоить осетинские танцы. В частности, в Стамбуле на протяжении многих лет успешно действует ансамбль осетинского танца «Барс». Помимо танцевальных мероприятий, в рамках диаспоры организован класс осетинского языка, который способствует сохранению и передаче этнолингвистического наследия. Значимым культурным проектом стал перевод книги «Аланы» с французского на турецкий язык, а также издание в Стамбуле труда Хайри Ата (Кусова) «Сто вопросов по истории Осетии». Кроме того, в Турции опубликован ряд книг, посвященных истории и

культуре Осетии, что подчеркивает интерес к осетинскому наследию в контексте транснациональных культурных связей.

Особое внимание уделяется мемориальным проектам. В дигорском селении Пойразлы, одной из трех сохранившихся моноэтнических осетинских деревень Турции, был заложен мемориальный парк из 300 фруктовых деревьев в память о жертвах трагедии в школе № 1 города Беслан. Ежегодно в начале сентября Пойразлы становится местом проведения памятных мероприятий, на которые съезжаются люди разных национальностей и вероисповеданий со всей Турции, чтобы почтить память жертв трагедии.

Кроме того, осетинская диаспора проявила свою активность в период вооруженного конфликта в Южной Осетии в 2008 году, когда Грузия атаковала Цхинвал. В ответ на эти события осетины Турции организовали акции протеста возле грузинских консульств в Стамбуле, Анкаре и Измире, выразив свою солидарность с соотечественниками и поддержав стремление к защите национальных интересов.

Тем не менее нельзя игнорировать существующие вызовы, с которыми сталкиваются эти организации, включая ассимиляционные процессы, снижение интереса к этнической культуре среди молодежи и ограниченность ресурсов для реализации программ. Указанные трудности подчеркивают значимость активного взаимодействия с исторической родиной, разработки долгосрочных стратегий культурного воспроизводства и привлечения внешней поддержки.

Таким образом, деятельность осетинских диаспорных организаций в Турции представляет собой важный механизм сохранения этнокультурной идентичности. Однако для эффективного противодействия ассимиляционным вызовам необходимы дополнительные усилия, направленные на развитие образовательной и культурной сферы, что подчеркнуто в ряде современных социологических исследований (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Этническая идентичность осетинской диаспоры в Турции

Этническая идентичность осетин основывается на сохранении языка, традиций и коллективной памяти, что подтверждает устойчивость ее основных параметров даже в условиях иноэтничного окружения. Одним из центральных элементов этнической идентичности является осетинский язык, который, несмотря на сокращение использования среди молодежи, сохраняется в быту и поддерживается через институциональные усилия диаспоры. При этом наблюдается частичная адаптация осетин к турецкому обществу, выраженная в билингвизме и постепенном переходе на доминирующий турецкий язык, что отражает процесс аккультурации. Однако элементы культурной самобытности продолжают сохраняться благодаря усилиям диаспорных организаций. Именно они играют важнейшую роль укреплении этнической идентичности. В частности, деятельность «Аланского клуба» направлена на консолидацию

осетинского сообщества и организацию образовательных и культурных мероприятий, таких как празднование Дня осетинской молодежи. Коллективная память и символические практики играют не менее важную роль в поддержании этнической идентичности. Примером может служить создание мемориального парка в селе Пойразлы в память о трагедии в Беслане и проведение ежегодных памятных мероприятий, что подчеркивает значимость исторической памяти для сплоченности сообщества (Закаева, Кушоглу (Кусов), 2021).

Этническая идентичность осетин в Турции характеризуется сложным взаимодействием традиционных норм и новых социокультурных условий. Жизнь в диаспоре формирует уникальное сочетание сохранения этнокультурных ценностей и адаптации к иноэтническому окружению. Согласно исследователям, ключевым механизмом воспроизводства этнической идентичности является семья, где первичная социализация способствует передаче языковых, культурных и поведенческих норм. Важно отметить, что значительная часть браков в осетинской диаспоре заключена внутри этнической группы, что свидетельствует о стремлении сохранить этническую и культурную самобытность. Однако данные исследований указывают на рост межэтнических браков, особенно среди молодого поколения, что отражает интеграцию диаспоры в принимающее общество (Гадиева, 2018). Так, семья остается ключевым элементом в сохранении этнической идентичности, однако наблюдаемые трансформации подчеркивают необходимость институциональной поддержки в сохранении языка, традиций и коллективной памяти в условиях диаспоральной реальности.

Таким образом, этническая идентичность осетинской диаспоры в Турции характеризуется устойчивостью, основанной на сохранении языка, культурных традиций, институциональной активности и транснациональных связей с исторической родиной. Несмотря на вызовы ассимиляции, диаспора демонстрирует высокую степень социальной сплоченности и способность адаптироваться к новым условиям, сохраняя при этом основные элементы своей этнокультурной самобытности.

Заключение

Диаспора осетинской общности в Турции представляет собой уникальное явление, отражающее сложное взаимодействие сохранения этнокультурной идентичности и адаптации к иноэтнической среде. Этническая идентичность осетин основывается на таких ключевых элементах, как язык, традиции, коллективная память и организационная активность, что обеспечивает ее устойчивость даже в условиях значительного ассимиляционного давления.

Роль диаспорных организаций, таких как Культурно-благотворительный фонд «Алан» («Alan Vakfı»), является критически важной. Они способствуют сохранению языка и культурных традиций, поддержанию транснациональных связей с исторической родиной и воспроизводству этнической идентич-

ности посредством образовательных и культурных мероприятий. Особое значение имеют мероприятия, направленные на консолидацию общины, такие как памятные акции и фестивали, которые укрепляют чувство принадлежности и формируют коллективную солидарность.

Важным элементом сохранения идентичности остается семья, в которой передаются языковые, культурные и социальные нормы. Однако наблюдаемые изменения, такие как рост межэтнических браков и сокращение использования осетинского языка среди молодежи, подчеркивают необходимость усиления институциональной поддержки и образовательных программ.

Несмотря на вызовы, связанные с ассимиляционными процессами, осетинская диаспора в Турции демонстрирует высокий уровень социальной сплоченности и способность сохранять основные элементы своей этнокультурной самобытности. Диаспоральная идентичность осетин, основанная на взаимодействии исторической памяти, институциональной активности и семейных ценностей, остается устойчивым механизмом сохранения этнической уникальности.

Таким образом, исследование осетинской диаспоры в Турции представляет значительный интерес для социологической науки, способствуя пониманию процессов сохранения этнической идентичности в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия. Результаты данного исследования могут быть полезны для разработки стратегий поддержки и укрепления этнокультурного наследия в диаспоральных сообществах.

Список источников

Аветян Н. С. Диаспора как объект исследования социологии / Н. С. Аветян // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: Сборник научных статей. – Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2022. – С. 3–10. – EDN LGDCCR.

Аветян Н. С. Понятия «диаспора» и «диаспоральность» в современной социологии / Н. С. Аветян // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2016. – Т. 6, № 1. – С. 95–102. – EDN VMNAIZ.

Бедрик А. В. Структура и факторы формирования диаспорных идентичностей на Юге России (опыт case-study исследования) /

References

Avetyan N. S. Diaspora as an object of sociological research. *Sotsial'nyye, kul'turnyye i kommunikativnyye praktiki v dinamike obshchestvennogo razvitiya: Sbornik nauchnykh statey*. Grodno: Grodnenskiy gosudarstvennyy universitet imeni Yanki Kupaly = Social, cultural and communicative practices in the dynamics of social development: Collection of scientific articles. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno. 2022; 3-10 (In Russ.).

Avetyan N. S. The concepts of “diaspora” and “diasporality” in modern sociology. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kualy. Seriya 5. Ekonomika. Sotsiologiya. Biologiya* = Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology. 2016; 6 (1): 95-102 (In Russ.).

А. В. Бедрик, В. П. Войтенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2023. Вып. 4 (329). – С. 64–72. – DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72.

Бедрик А. В. Диаспоры Юга России как объекты социологического исследования: к постановке проблемы / А. В. Бедрик, Ю. С. Панфилова, Г. И. Чикарова // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12, № 6. – С. 147–158. – DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.11. – EDN POONN.

Гадиева А. Н. Трансформационные процессы в брачно-семейной сфере: осетинская диаспора в Турции / А. Н. Гадиева // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 12(56). – С. 70–73. – DOI 10.24158/spp.2018.12.11. – EDN VQVUBE.

Дятлов В. И. Диаспоры: экспансия термина в общественную практику современной России / В. И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–139. – EDN UIYZED.

Закаева Б. К. Сохранение родного языка и национальной идентичности – основная цель диаспоры (на примере осетинской диаспоры Турции) / Б. К. Закаева, С. Кушоглу (Кусов) // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде: сборник докладов Международной научно-практической конференции, Владикавказ, 22–23 октября 2020 года / Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 814.

Ким А. С. Этномаргинальность диаспор: социологические и культурологические основания политического исследования / А. С. Ким // Вестник ТОГУ. – 2008. – № 3. – С. 151–162.

Кушхабиев А. В. История зарубежной черкесской диаспоры: учебное пособие / А. В. Кушхабиев. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2018. – 192 с.

Bedrik A. V., Voitenko V. P. The structure and factors of formation of diaspora identities in the South of Russia (case-study research experience). *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Regionovedeniye: filosoftiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya"* = *Bulletin of Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*. 2023; 4 (329): 64-72. DOI: 10.53598/2410-3691-2023-4-329-64-72 (In Russ.).

Bedrik A. V. Diasporas of the South of Russia as objects of sociological research: towards the formulation of the problem. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2023; 12 (6): 147-158. DOI 10.18522/2227-8656.2023.6.11 (In Russ.).

Gadieva A. N. Transformational processes in the marriage and family sphere: the Ossetian diaspora in Turkey. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2018; 12(56): 70-73. DOI 10.24158/spp.2018.12.11 (In Russ.).

Dyatlov V. I. Diasporas: expansion of the term into the social practice of modern Russia. *Diaspory = Diasporas*. 2004; 3: 126-139 (In Russ.).

Zakaeva B. K., Kushoglu (Kusov) S. Preservation of the native language and national identity is the main goal of the diaspora (on the example of the Ossetian diaspora in Turkey). *Yazyk i kul'tura kak natsional'noye dostoyaniye v polikul'turnoy srede: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Vladikavkaz, 22-23 oktyabrya 2020 goda. Severo-Kavkazskiy gorno-metallurgicheskii institut (gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet). Vladikavkaz: Severo-Kavkazskiy gorno-metallurgicheskii institut (gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet) = Language and culture as a national treasure in a multicultural environment: collection of reports of the International scientific and practical conference, Vladikavkaz, October 22-23, 2020. North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University). Vladikavkaz: North Caucasus Mining and Metallurgical Institute*

Меренков А. В. Этническая идентичность: представления жителей крупного города о русском этносе / А. В. Меренков, К. Ю. Скрыбина, Н. Л. Антонова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2020. – Т. 4. – № 1. – С. 20–25.

Расолько И. Д. Перспективы применения понятий «диаспора» и «диаспоральность» в социологическом анализе / И. Д. Расолько // Социология. – 2012. – № 2. – С. 122–129.

Сокаева Д. В. Отчет об экспедиции СОИГСИ в Турцию (этнография, фольклор, язык) в 2015 году / Д. В. Сокаева, З. В. Канукова, И. Т. Марзоев, Е. Б. Дзапарова, Д. М. Дзлиева // Известия СОИГСИ. – 2015. – № 18 (57). – С. 148.

Цибенко В. В. Политизация этнических меньшинств в Турции на примере черкесов / В. В. Цибенко // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26 / отв. ред. В. Я. Белокренитский, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. – Москва: ИВ РАН, 2019. – С. 60.

Чочиев Г. В. Иммиграция, поселение и адаптация северокавказцев в османской империи во 2-й половине XIX – начале XX в. / Г. В. Чочиев // Известия СОИГСИ. – 2022. – № 46 (85). – С. 37–49.

Aksoy Z. Çerkes Sürgünü Hikayelerinde Kimliğin İnşası / Z. Aksoy. – Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi, 2018. – P. 62–76.

Barth F. Ethnic Groups Boundaries / F. Barth. – Bergen: Scandinavian University Books, 1969. – 153 p.

Besleney Z. A. Türkiye’de Çerkes diasporasının siyasi tarihi / Z. A. Besleney. – İstanbul: Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2016. – 256 p.

Bolat N. A Study on Understanding the Changing Diaspora and Virtual Communities through Digitalization / N. Bolat, Ö. Çakın, E. Sirer // Quaestio Rossica. – 2024. – Vol. 12, No. 1. – P. 110–128. – DOI 10.15826/qv.2024.1.868.

Cohen R. Diasporas and the nation-state: From victims to challengers / R. Cohen // International Affairs. – 1996. – Vol. 72, No. 3. – P. 507–520.

(State Technological University). 2021; 814 (In Russ.).

Kim A. S. Ethnomarginality of diasporas: sociological and cultural foundations of political research. Vestnik TOGU = Bulletin of PSU. 2008; 3: 151–162 (In Russ.).

Kushkhabiev A. V. History of the foreign Circassian diaspora. Textbook. Nal’chik: KBNTS RAN = Nalchik: KBNC RAS. 2018; 192 p. (In Russ.).

Merenkov A. V., Skryabina K. Yu., Antonova N. L. Ethnic identity: ideas of residents of a large city about the Russian ethnos. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2020; 4(1): 20–25 (In Russ.).

Rasolko I. D. Prospects for applying the concepts of “diaspora” and “diasporaality” in sociological analysis. Sotsiologiya = Sociology. 2012; 2: 122–129 (In Russ.).

Sokaeva D. V., Kanukova Z. V., Marzoev I. T., Dzaparova E. B., Dзлиева D. M. Report on the SOIGSI expedition to Turkey (ethnography, folklore, language) in 2015. Izvestiya SOIGSI = News of North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. 2015; 18 (57): 148 (In Russ.).

Tsibenko V. V. Politicization of ethnic minorities in Turkey on the example of Circassians. Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Issue 26. Ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Yu. Ulchenko. Moskva: IV RAN = Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2019; 60 (In Russ.).

Chochiev G. V. Immigration, settlement and adaptation of North Caucasians in the Ottoman Empire in the 2nd half of the 19th – early 20th centuries. Izvestiya SOIGSI = News of North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. 2022; 46(85): 37–49 (In Russ.).

Aksoy Z. Çerkes Sürgünü Hikayelerinde Kimliğin İnşası. Türkiye İletişim Araştırmaları Dergisi. 2018: 62–76.

Barth F. Ethnic Groups Boundaries. Bergen: Scandinavian University Books. 1969; 153 p.

Doğanay G. Hatıralarla Kurulan bir Toplumsal Kimlik: 21 Mayıs 1864 Sürgünü ve Türkiyeli Çerkesler / G. Doğanay // *Journal of Turkish Studies*. – 2015. – Vol. 10, No. 10. – P. 361–380.

Foltz R. The Survival of Ossetians in Turkey / R. Foltz // *Iran and the Caucasus*. – 2022. – Vol. 26, No. 4. – P. 362–375.

Jaimoukha A. The Circassians: A Handbook / A. Jaimoukha. – Curzon Press, UK, 2001. – 384 p.

Okçuoğlu B. A. Türkiye’de Çerkes diasporası: kimlik inşası ve referansları / B. A. Okçuoğlu // *Sosyoloji Araştırmaları Dergisi*. – 2019. – Vol. 22, No. 1. – P. 122–156.

Uçar Ş. Diasporada Kafkas Kimliği ve Aidiyet Hissi Üzerine Bir Derleme Çalışması / Ş. Uçar // *USBAD Uluslararası Sosyal Bilimler Akademik Dergisi*. – 2022. – Vol. 4, No. 8. – P. 170–184.

Besleney Z. A. Türkiye’de Çerkes diasporasının siyasi tarihi. *İstanbul: Bilgi Üniversitesi Yayınları*. 2016; 256 p.

Bolat N., Çakın Ö., Sırer E. A Study on Understanding the Changing Diaspora and Virtual Communities through Digitalization. *Quaestio Rossica*. 2024; 12 (1): 110-128. DOI 10.15826/qr.2024.1.868.

Cohen R. Diasporas and the nation-state: From victims to challengers. *International Affairs*. 1996; 72(3): 507-520.

Doğanay G. Hatıralarla Kurulan bir Toplumsal Kimlik: 21 Mayıs 1864 Sürgünü ve Türkiyeli Çerkesler. *Journal of Turkish Studies*. 2015; 10 (10): 361-380.

Foltz R. The Survival of Ossetians in Turkey. *Iran and the Caucasus*. 2022; 26(4): 362-375.

Jaimoukha A. The Circassians: A Handbook. *Curzon Press, UK*. 2001; 384 p.

Okçuoğlu B. A. Türkiye’de Çerkes diasporası: kimlik inşası ve referansları. *Sosyoloji Araştırmaları Dergisi*. 2019; 22(1): 122-156.

Uçar Ş. Diasporada Kafkas Kimliği ve Aidiyet Hissi Üzerine Bir Derleme Çalışması. *USBAD Uluslararası Sosyal Bilimler Akademik Dergisi*. 2022; 4(8): 170-184.

Для цитирования: Газзаева В. И. Диаспоральность осетинской общности в условиях северокавказской диаспоры Турции // *Гуманитарий Юга России*. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 17–33.
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.1
EDN GBQRFK

История статьи:

Поступила в редакцию – 13.01.2025

Одобрена после рецензирования –
06.01.2025

Принята к публикации – 07.02.2025

Сведения об авторе

Газзаева Виктория Ивановна
Преподаватель кафедры политологии
и социологии Юго-Осетинского
государственного университета
им. А. А. Тибилова
gazzaty@list.ru

Information about author

Victoria I. Gazzaeva
Lecturer, Department of Political Science
and Sociology,
South Ossetian State University
named after A. A. Tibilov
gazzaty@list.ru